

ИДЕИ ПРАВА В МЕЖДУЭЛЛИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Проф. А. В. Мишулин

I. Гражданин и иностранец в греческом государстве

Уже на заре гражданского общества, наиболее развитые примеры которого дали нам рабовладельческие государства Греции и Рима, стали возникать идеи и складываться обычаи, противостоявшие неорганизованным отношениям между племенами в первобытных условиях. Геродот и Фукидид имели полное право для своей эпохи говорить о возникавших, постоянно складывавшихся и позднее все более и более развивавшихся нормах международной жизни, приходивших на смену первобытным условиям. Фукидид считал пережитками для своего времени факты грабежа, вероломных нападений одного народа на другой. «Еще до сих пор во многих частях Эллады,—говорит Фукидид,—живут по-старому, именно локры озольские, этолийцы, акарнанцы и жители соседних областей материка. Самый обычай постоянного ношения оружия остался у этих материковых народов от древнего занятия разбойничеством. Дело в том, что некогда все эллины носили оружие вследствие незащитности жилищ и небезопасных сношений друг с другом и ввели в обычай жизнь с оружием, как у варваров» (Фукид., I, 6—7). Несмотря на эти пережитки, развитие гражданской жизни, внешних связей греческих общин, торговли и колонизации порождало идеи международного права, создавало обычаи международной жизни, которые хотя и не формулировались письменно (как это было у римлян в виде соответствующих институций)¹, но признавались всеми, ибо были освящены религией и обычаем древних эллинов. Упорядочение внешних сношений сочеталось с устроением внутренней жизни греческих городов-государств. Это лучше всего удается проследить на примере развития идеи гражданства у греков и на противопоставлении гражданина республики всякому не-гражданину, выходцу из другого государства или варвару.

Каждая греческая республика представляла собою тесно сплоченную общину граждан, которые, имея соответствующие права и привилегии среди других слоев населения, не хотели их кому-либо уступать, защищали свою гражданскую общину, как и свои собственные права, с оружием в руках. Поэтому гражданин греческой республики—это вооруженный

¹ См. статью проф. А. В. Мишулина «Объявление войны и заключение мира у древних римлян». «ИЖ», № 10—11 за 1944 г.

воин, стоящий на страже своего государства. Греки трактовали лишь членов своей родовой общины как полноправных граждан, как граждан по рождению (Aristot., Oecon. II, 3; также Plut., Pericl., 37), с этой точки зрения, только родившийся в данном государстве от туземных полноправных граждан мог рассматриваться в качестве гражданина, полноправного представителя родины, которая являлась страной, где он родился, где проживали его отец и мать и где он имел земельный надел. В Афинах человек, происходивший от афинянина и не-афинянки, не был членом семьи отца и не мог иметь политических прав гражданства. Перикл подтвердил этот солоновский закон особым постановлением в 445 г. (Plut., Pericl., 37), хотя этот закон не всегда точно исполнялся. Самому Периклу, в обход этого закона, пришлось просить народное собрание предоставить гражданские права его незаконнорожденному сыну. Народное собрание уважило просьбу своего вождя и сделало исключение из общего закона, после того как убедилось, что моровая язва лишила Перикла всех его родственников (Plut., Pericl., 36—37). Однако в 403 г. по предложению Аристофонта закон был возобновлен, но без обратного действия, т. е. касался только лиц, родившихся после вступления его в силу¹.

За правильностью внесения лиц в число афинских граждан следили особые должностные лица, вносящие совершеннолетнего члена общины в списки фил и демов, к которым, как правило, приписаны были все афинские граждане. По достижении 18-летнего возраста молодой гражданин вносился в общинную книгу того дема, к которому принадлежал его отец. Демоты (члены дема—сельской общины) обсуждали данные будущего гражданина, говорили о его правах и осуществляли, таким образом, акт принятия молодого человека в число граждан Афинского государства. Всякий принятый в число граждан должен был в святилище Аглавры близ акрополя дать клятву и принять гражданскую присягу. При этом он произносил следующие слова: «Я не посрамлю священного оружия и не оставлю товарища в битве, буду защищать и один и со многими все священное и заветное, не уменьшу силы и славы отечества, но увеличу их, буду разумно повиноваться существующему правительству и законам, установленным и имеющим быть принятыми, а если кто будет стараться уничтожить законы или не повиноваться им, я не допущу этого и буду бороться против него и один и со всеми; буду также чтить отечественные святыни. В этом да будут мне свидетелями боги» (Stob., Flor., XLIII, 48). После этого молодой афинянин получал полное гражданство, которое он постепенно и начинал осуществлять в общественной и государственной жизни своего отечества².

Древние греки право гражданства считали священным, старательно оберегали его, ибо оно почиталось за «честь» (τιμή) всякого эллина-гражданина. Поступки и действия, порочившие «честь» (τιμή) гражданина, влекли за собою частичное или полное лишение прав гражданства (ἀτιμία). Древние писатели приводят немало фактов «атимии», т. е. лишения прав гражданства, а также данные о порядке восстановления в гражданстве³. Греки проверяли списки граждан по отдельным общинам

¹ Athen. XIII; См. Л а т ы ш е в. Очерки греческих древностей, ч. I. СПб, 1888.

² Молодой афинский гражданин обязан был прежде всего отбыть военную службу с 18-до 20-летнего возраста. После этого его вносили вновь в вечевой список, затем молодой гражданин мог уже практически пользоваться гражданскими правами. Однако доступ к должностям и в совет 500 он получал лишь спустя 10 лет (т. е. когда ему исполнилось 30 лет).

³ О разных видах «атимии»—лишении гражданства—см. у Andokyd, 73 сл.; также Demosth., I, 30; Л и к у р г, Против Леокр. 41; см. также Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. 258—259.

систематически. Кроме того, периодически они организовывали «чистки» граждан в главных греческих городах. В истории Афин две такие «чистки» явились важными государственными мероприятиями. Первая имела место в 445 г., при Перикле, когда при проверке было выявлено 4 тыс. неправильно получивших права гражданства. Они были исключены из списков и лишены прав гражданства со всеми вытекавшими отсюда последствиями (P l u t., Pericl., 37). Другая «чистка» имела место в 345 г. при архонте Архии. Все лишённые прав гражданства подвергались, как правило, конфискации имущества и продаже в рабство. Материал греческих надписей даёт в руки историка прекрасные данные о том, как проводились эти «чистки» в отдельных фратриях (см. например, C I A II, 841 b). Гражданских прав лишены были рабы и метеки. Метеки в Аттике не были членами аттических общин. Это были иностранцы, и, как иностранцы, они не имели права приобретать недвижимую собственность (землю) и не имели гражданства, которое в древности было связано с владением земельным наделом внутри общины¹. Будучи свободными, метеки эту свободу реализовали лишь в занятиях торговлей и ремеслом и эту свободу покупали у государства путем выплаты ему больших податей и налогов. Другая категория иностранцев—рабы—лишены были гражданства не только как иностранцы, но и как «вещь» («одушевленное орудие», по Аристотелю), и не могли на этом основании чем-либо владеть: ни имуществом, ни свободой, тем более правами гражданства. Так как рабы в Аттике представляли собою порабощенное население других стран, т. е. иностранцев, то даже освобождение раба не давало ему никаких гражданских прав. При освобождении он оставался иностранцем. Фактически он оказывался в положении, несравненно худшем, чем метеки. Рабы и метеки образовывали в каждой общине тот чуждый ей мир, который существовал наряду с тесно сплоченной общиной полноправных граждан. Рабовладельческое общество базировалось на взаимоотношениях этих двух основных слоев населения в каждой греческой общине. Подобное положение не могло не найти своего отражения в установлении обычаев, политических законов, форм связей, регламентировавших отношения гражданина с не-гражданином, члена общины с иностранцем, одного государства с другим. В исторической литературе были попытки изучить все своеобразие этих отношений в древней Греции².

«В нескольких милях от своих городских стен афинянин,—говорит Грот,—находился на территории другого государства, где его уже считали иностранцем»³. Это меткое замечание старого английского ученого раскры-

¹ Метеки приписывались к общинам, но в имени гражданина общины и метека, приписанного к ней, всегда делалось различие. См. об этом статью W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f, Die Demotika der Metöken в журнале «Hermes». т. XXI.

² См. общую литературу по международному праву в древности в статье А. В. Мишулин, Объявление войны и заключение мира у древних римлян («ИЖ»), № 10—11 за 1944 г.; в «Истории дипломатии» под ред. акад. В. А. Потемкина (библиографический указатель). Специально по международному праву греков см. «Прописки», кн. V; П. Бибииков, Очерк международного права в Греции. М. 1852; И в а н о в, Международные отношения в их историческом развитии. М. 1867; Rudolf von Scala, Die Staatsverträge des Altertums, 1898; H i t z i g, Altgriechische Staatsverträge über Rechtshilfe. П. Г. Виноградов дал обзор греческого права в Encycl. of Religion and Ethics, а в „Гермесе“ (1909) специальную статью „Аристотель о восстановлении права“. Вместе с английским ученым Shorey Виноградовым были написана статья „Учение о всеобщем праве в Аристотелевой этике“ (Class. Philology, Chicago, 1924), см. специальную работу по внешней политике Афин C l o s h é P., La politique étrangère d'Athènes, 404—338 a. Chr., 1934; A y m a r d A., Les assemblées de la confédération Achaienne, Bordeaux, 1938.

³ History of Greece II, 544 (éd. 1849). См. статью Каченовского в «Прописках». V, стр. 228.

вает крайнюю обособленность греческих государств. Эта обособленность рождалась из самостоятельности и независимости греческих общин. Этими качествами строя их республик греки всегда гордились. Название «иностранец» было суровым именем в политическом обиходе греков. Иностранца, как правило, не принимают в туземную общину, он является не сочленом ее, а неприятелем. Геродот (IX, 11) и Гезихий¹ говорят, что термины «ἐχθρὸς» и «ξένος», означающие «иностранец», имели также и значение «враг». Иностранец в любом греческом государстве не имел гражданских прав и не мог приобрести их посредством натурализации, что обычно в современном праве европейских народов. Он не мог заключать законного брака с женщиной-туземкой². В Афинах существовала система наказаний, охранявших чистоту гражданства³. У Ксенофонта мы узнаем о законе, запрещавшем иностранцу владеть землей, хотя бы такой иностранец жил в Афинах давно и играл не последнюю роль в экономике этого города. Не могли иностранцы и завещать собственность и получать по завещанию, свидетельствовать в суде или выступать в каком-либо ином качестве полноправного юридического лица.

Подобное строгое исключение иностранцев из гражданства в чужом государстве не проводилось, однако, с той юридической последовательностью, которая создавала бы определенные институты, как это было у римлян. Поэтому у греков не складывалось ни сводов законов, ни развитых теорий права, ни произведений, посвященных специальному изложению греческого права. У греков мы можем фиксировать лишь обычаи, отдельные идеи у писателей и законы, которые раскрывают нам эту своеобразную область гражданских и государственных отношений. Развитие гражданской и международной жизни древних греков создавало постепенно определенные институты, которым надлежало регулировать отношения между иногородними греками. Каковы эти институты? В какой мере раскрывают они обычаи международного права? Как на смену обычаям приходят новые идеи о праве народов в древней Греции? Обратимся к конкретным примерам.

II. Развитие новых идей в отношениях государств

Спарта отличалась от других греческих государств тем, что она во всей своей внутренней политике более, чем какая-либо другая страна, подерживала обособленность, замкнутость и желание сохранить чистоту своих порядков при сношениях с иностранцами. Неудивительно, что именно в Спарте мог создаться такой институт, как «к с е н е л а с и я»⁴. Все древние писатели, которые только касались этого института, приписывают его создание Ликургу⁵. Плутарх говорит, что «целью Ликурга было воспитать граждан в доблести» и что поэтому он не позволял им выезжать из своей страны и проводить время в других краях, для того чтобы они не приучались к чужим нравам, не переняли беспорядочного образа жизни и не заимствовали у иностранцев политических мнений, несогласных с устройством Спарты. Поэтому он запретил и приезд ино-

¹ H e s y c h i u s; s. v. ξένος. См. также ξένος у A e s c h., c. Ctesiph., p. 394 sq.

² Известно, например, что афинянину запрещалось жениться на фивянке. Жители разных городов на острове Крите не могли вступать в брак между собой. См. Eurip., Ion, v. 290, 34.

³ См. D e m o s t h., c. Neaer, 52, p. 136; 363; § 16, p. 1350.

⁴ «Ксенеласия» буквально значит «изгнание чужих», т. е. иностранцев.

⁵ Например, см. П л у т а р х, Ликург, 27; Ins. Lacop. 20; К с е н о ф о н т. Лакедемонское государство, XIV, 4.

странцам без важной причины, не из опасения, как полагает Фукидид, что иностранцы станут подражать спартанскому устройству и научатся у спартанцев доблести, но для того, чтобы они не сделали учителями зла (P l u t., Лус., 27). В числе своих функций эфорат имел и задачу наблюдения за этим законом, за осуществлением ксенеласии в гражданской жизни спартанцев. Геродот (III, 148) красноречиво рассказывает нам о применении санкций в соответствии с законом (ксенеласией) по отношению к некоему Меандру, бежавшему с о. Самоса. Меандр после неудач на политическом поприще бежал в Спарту и стал искать приюта у царя Клеомена, который отверг все подарки Меандра и приказал эфбрам удалить его из пределов страны, как опасного иностранца. По сообщению Плутарха (Agesyl., 10), ксенеласия своим политическим острем была направлена против ионийцев, которые придерживались противоположных дорянам обычаев и политических взглядов. Известно из Плутарха (там же; см. также P l u t., Лус., 27) изгнание по закону о ксенеласии одного тирана, приехавшего в Спарту и раздававшего там золотые и серебряные вазы, или софиста, хваставшего, что по любому вопросу он может рассуждать целый день, или повара, умевшего соблазнять спартанцев самыми изысканными блюдами. Все это для стремившихся к воздержности спартанцев казалось весьма опасным, и по отношению к этим иностранцам не было другого выбора, как применить ксенеласию.

Однако развитие греческой жизни, особенно международных связей и общения между городами, становилось в противоречие с автаркией греческого полиса. Строгое проведение в жизнь этого жесткого закона против иностранцев уже в древности вызывало резкую критику. Многие греческие поэты и философы порицали ксенеласию. Аристофан высмеивал ее в двух своих произведениях (A r i s t o p h., Av., 1013; Pax, 623). Платон характеризовал этот спартанский закон, как выражение варварства и бесчеловечности (P l a t o n, Legg., XII, 950 B). Выступление Платона и обоснование им положения об общности эллинов и равенстве их прав свидетельствовало о зарождении идеи общеэллинского единства народов древней Греции.

Развитие внешних связей греческих государств, в том числе Спарты, должно было со временем смягчить ксенеласию и ее применение. Плутарх рассказывает, что некоторые иностранцы, если только они получали спартанское воспитание, допускались в число граждан Спарты (P l u t., Inst. Lac., 22). Иногда Спарта прибегала к помощи иностранцев. Сам Ликург, введший ксенеласию, пользовался услугами поэта Фалета, ибо последний своим поэтическим искусством сумел подготовить спартанцев к принятию Ликургова законодательства. Поэт Терпандр был приглашен эфорами, ибо муза этого поэта могла восстанавливать согласие между гражданами. Поэты Ферекид и Тиртей получили права гражданства. Однако подобные исключения из ксенеласии были вначале весьма редки. Геродот (IX, 33—35), перебирая в своей памяти и в имевшихся у него материалах все случаи предоставления гражданства в Спарте иностранцу, мог остановиться только еще на одном случае с неким Тиссаменом. Другие случаи до Геродота, повидимому, не имели места. Только в более поздние времена в Спарте стали чаще практиковать принятие в гражданство некоторых иностранцев (см. об этом P l u t., Agis, 5; Thuc., I, 132).

Несколько в ином положении иностранцы находились в Афинах. Это объясняется рядом причин. Главная из них—это уровень политической и социальной жизни, значительно более высокий, чем в Спарте. Морская торговля, связь с другими греческими государствами, осуществляемая путем заключения договоров о торговле и союзе,—все это приводило к более тесному общению афинян с иностранцами. Выше же было от ме-

чено, что, в противоположность Спарте, в Афинах разрешалось жить большому количеству иностранцев-метеков, хотя бы и на ограничительных условиях. Лишенные гражданских прав, обязанные выполнять государственные повинности, поставленные по своему положению на грашь рабства, метеки возбуждали интерес у многих деятелей и писателей. Ксенофонт (О доходах, II, 7) высказывал пожелание об организации должности «метекофилаков», т. е. защитников метеков от произвола. По изданному впоследствии закону, тем метекам, которые имели особые заслуги перед государством, предоставлялись права «одинаковые с гражданами, кроме управления государством». По этому закону об «исотеллии», метек получал даже некоторые гражданские права в Афинском государстве. В противоположность Спарте, в Афинах полисная ограниченность преодолевалась в большей мере, что подготавливало идею общегреческого гражданства.

В дальнейшем ходе развития греческих государств появилась необходимость обеспечить прием иностранцев (купцов и послов), юридически оформить их пребывание в чужом государстве (например, на время религиозных торжеств, игр и т. д.), создать условия для более нормализованных отношений между городами Греции. В этой связи и создается «проксения» как древнейшая форма международных связей и международного права в древней Греции¹. Из древнего обычая проксения постепенно превращалась в институт, функционировавший в соответствии с теми идеями права, которые формировались в период расцвета древней Греции. Проксению, как институт гостеприимства, регулировавший отношения граждан к иностранцам на принципе взаимности, определяли различным образом. В равной мере и вопрос, что собою представляет проксен в отношении своих прав и обязанностей, также определялся по-разному. Мы полагаем, что в определении существа этого института следует исходить из представлений самих греков.

В этом отношении нам кажется весьма интересным определение Поллукса, поскольку последний полагался в этом на данные древних авторов. «Проксенос,—говорит Поллукс,—есть тот, который оказывает общие услуги целому городу (чужому.—А. М.), живя в другом (своем.—А. М.) городе, как, например, берет на себя обязанность по помещению приезжих, в случае надобности исходатайствует им доступ к народному собранию и места в театрах (P o l l., III, 5)». Услуги проксена были добровольными и вместе с тем авторитетными и благородными. Проксения осуществлялась между отдельными лицами, племенами, а впоследствии между целыми государствами². В дальнейшем важно было обеспечить, чтобы добровольные услуги продолжались и на будущее время. Это повело уже к заключению формальных договоров и утверждению проксенов путем постановлений. Таким образом, правительство поручало иностранцев и заботу о них особым уполномоченным—проксенам, которые добровольно выполняли услуги по гостеприимству. Проксенами, как правило, являлись граждане своего города, в котором они жили и где они осуществляли проксению по отношению к иностранцам города, для которого данный проксен почитался как священное и официальное лицо. Через проксенов велись и дипломатические переговоры; приезжавшие в город посольства прежде всего обращались к покровителю граждан их государства — к проксену³. Проксены были учреждены в Спарте (H e r o d., VI, 57), в Дельфах (E u r i p., Andr. 1105; Ion, 565, 1056) и во всех других городах-государствах, куда, в силу развивавшихся внешних связей, или для торжественных

¹ «История дипломатии», т. I, стр. 35, под ред. акад. В. П. Потемкина.

² Там же.

³ Там же.

праздников и игр съезжалось много народа из разных государств. Так постепенно из обычая частного гостеприимства создавался институт международного права, весьма близкий по своим функциям к современным посольствам и консульствам.

Следует, однако, помнить, как это в свое время правильно подметил Лоран¹, что проксения сохраняла на протяжении всего своего развития колорит частного гостеприимства, характер акции частного лица, бравшего на себя обязанности проксена при согласии своего государства. От современных посольств и консульств проксения отличается еще тем, что она осуществляется гражданином своего города и в своем городе по отношению к иностранцам—гражданам чужого города, тогда как послы и консулы в современной дипломатии берут на себя защиту не чужих, а своих граждан, и не в своем государстве, а в чужом, куда для своих функций они выезжают. Как ни была несовершенна проксения в древней Греции, она, однако, свидетельствовала о великом начале, положенном греками в деле развития международного права.

Практиковавшаяся система гостеприимства давала иностранцу некую защиту и тем самым уничтожала преграды, созданные обособленностью греческих республик, разделением на граждан и иностранцев. Проксения делала иностранца гостем, хотя гость всегда оставался иностранцем. Он не мог пользоваться правами гражданина в городе, куда он прибыл. Ему не дозволялось вступать в семейные и имущественные отношения. Подобные отношения являлись иногда препятствиями в взаимных отношениях городов, связанных друг с другом экономическими, военно-политическими интересами, а также общностью происхождения, языка и религии. Под давлением этих интересов строгость закона постепенно стала ограничиваться. Когда два государства-города желали соединиться узами дружбы и взаимного благоприятствования, они заключали соглашение о предоставлении гражданских и политических прав гражданам своих государств взаимно. Такое предоставление прав гражданства иностранцам называлось актом «исополитии»². Греческие государства практиковали исополитию двух родов: первая—когда обе договаривающиеся стороны получали одни и те же права в соответствии с заключаемой конвенцией; другая же форма исополитии предусматривала не взаимное, а одностороннее предоставление прав иностранцам, главным образом за различные заслуги и помощь. До нас дошли надписи критских городов, содержащие интересные «исополитические» конвенции³ о взаимном предоставлении прав гражданства. Однако такие конвенции были немногочисленны⁴, чаще практиковалась другая форма исополитии—одностороннее предоставление прав путем постановлений. Известно, например, что платейцы пользовались исополитией в Афинах⁵; такой

¹ Histoire du droit des relations internationales, vol. II, см. главу о международном праве греков.

² «Исополития»—буквально «равные права граждан». Трактовка прав, предоставляемых исополитией, различна в исторической литературе. Еще Нибур высказал предположение, что исополития не простиралась на политические права (Römische Geschichte, т. II, 95). Однако со времен Бека принято считать, что получающие исополитию участвуют «во всем божеском и человеческом», как это и соответствует тексту греческих конвенций. См. SIG, I, № 2254, 26; 2256, 13; 2257, 16.

³ SIG II, № 2554, 2556, 2557; Н о е с к, Kreta, vol. III, стр. 472.

⁴ Кроме критских конвенций нам известен трактат между Афинами и Родосом, заключенный в эпоху упадка Греции. См. о трактате у Полибия XVI, 26, 9; также Тит Ливий, XXXI, 157.

⁵ Однако платейцы, получившие права афинского гражданства, не допускались к исполнению высших должностей (архонтству и жречеству). Только их сыновья могли получить доступ к этим должностям. Об исополитии платейцев см. Фукидад, III, 55; Диодор, XV, 46; Демосфен (против Неэры), 89—91, 104.

ограниченной исополитией пользовались в Афинах эвбейцы; наконец, за особые заслуги перед государством исополитию получали частные лица—Пассион в Афинах, Ферекид (философ) в Спарте, Оронт в Византии, Евтихиан в Херсонесе и один ученик Платона—за убийство фракийского тирана¹.

Исополития явилась весьма серьезным шагом в развитии идей международного права и практики международных соглашений в древности. Исополития должна была неизбежно привести к следующему шагу—приложению политических идей, заключенных в исополитических конвенциях, к области международной торговли, т. е. к коммерческим отношениям граждан и неграждан в древнегреческих городах. Именно отсюда рождаются так называемые «символы», т. е. сделки, договоры о спорах, о суде, о порядке разрешения политико-экономических конфликтов, возникавших между гражданами разных городов. Важнейшим источником о символах служит речь о Галонесе (Д е м о с ф., О Галонесе, 9; П о л и б., VIII, 88), приписываемая Демосфену. Здесь речь идет об острове, относительно которого заключается «символ». Символы заключались главным образом между союзными или, по крайней мере, дружественно друг к другу относящимися городами. Известен и интересен с этой точки зрения договор Кеоса с Афинами; к договорам подобного рода следует отнести и монетные соглашения, как, например, между Митиленой и Фокеей и пр.² Таким образом, «символы» разрешали спорные вопросы и регулировали отношения между государством и их гражданами при наличии доброй воли или союзных отношений между ними. Недаром Поллукс говорит, что «тяжба по символам—это когда судятся союзники (VIII, 43)». В речи Андокида против Алкивиада имеется такое место: «Мы постанавливаем в символах, чтобы нельзя было посадить в тюрьму или связать свободного человека³, если бы он и являлся иностранцем. «Если же кто нарушит это, на того налагаем большой штраф»⁴.

Таким образом, «исополитии» и «символы», регулировавшие пока еще только в зачаточной форме гражданские и политико-экономические взаимоотношения между государствами и их гражданским населением, культивировали идеи права, которые из обычаев и частного применения постепенно входили в сферу международных отношений. В непосредственной связи с этим рождается и идея арбитража, нашедшая свое отражение в практике организации третейских судов, о чем мы скажем ниже в другой связи.

Однако все эти институты права рождались медленно, случайно, и применение их протекало в ограниченной степени, в условиях борьбы с правом сильного, с обычаями произвольных действий, с миром анархии. Наряду с нарождавшимися идеями международного права господствовали обычаи, старые установления и даже законы, которые противостояли новым идеям. В качестве примера можно указать на афинский закон об «андролепсии». Сущность его заключалась в том, что если гражданин республики был убит за границей, то родственникам покойного позволялось схватить

¹ См. об исополитии: Д и о г. Л а э р т с к и й IX, 65; Д е м о с ф е н (О венке) § 90, 187; К с е н о ф о н т, Греческая история I, 4, 26; Л и с и й, Речи 34, 3; Исократ (Plat. § 51). Примеры полных исополитий, при которых граждане одного государства получали все гражданские права в другом, мы имеем в договорах между Смирною и Магнесией (SIG, № 171), между фокидскими городами Стиреей и Медеоном (SIG, № 294), между халкидскими городами см. у К с е н о ф о н т а. Греческая история V, 2, 19. Исополития за услуги городу см. IOSPE I², 79, 364

² CIA II, 546. См. также D a r e s t e, Recueil d'inscriptions juridiques grecques, 144, 1907, стр. 46—47; SIG, стр. 218 (возможное соглашение).

³ А н д о к и д, Против Алкивиада. Цит. по указ. работе П. Бибилова, стр. 28.

⁴ См. там же.

трех подданных того государства, которое не дало удовлетворения за обиду, и представить их в суд для наказания (Демосф., Против Аристокр., 82). Это служит примером применения первобытной мести в условиях, когда иностранец не имел в своем распоряжении других способов вознаградить себя за оскорбление. За недостатком виновного обычай разрешал наказывать невинных. Наиболее же характерным примером господства произвола в сфере отношений между гражданами различных государств были «*ῥύσια*» или «*σῦλαι*».

Еще Дарест в своей обстоятельной работе¹ сумел хорошо подметить, как в обстановке расцвета культуры Греции классического периода сохранялась система самоуправных действий отдельных лиц на основе частного возмездия, причем самые действия эти освящались обычаем («*ῥύσια*, «*σῦλαι*») и рассматривались как вполне законный акт или особый международный прием². Лисий говорит, как беотийцы совершенно открыто пользовались правом частного возмездия по отношению к Афинам за неуплату последними двух талантов (Л и с и й, Против Никоморха, 12). Демосфен указывает на некоторых триерархов, захватывавших все, что попадалось, и причинявших таким образом своим согражданам всякого рода насилия, которые в качестве возмездия исходили от чужестранцев (Демосф., О венке, 13). В судебной речи против Лакрита приводится контракт о суде для морского предприятия, данной одним афинянином и одним эвбейцем, жителем Фаселиса. В контракте говорится, что если корабль сделает остановку в Геллеспонте, то товары должны быть свезены на землю в такое место, где они были бы в безопасности от насильственного захвата (Демосф., О венке). Иногда само государство брало на себя осуществление права частного возмездия и выступало в этом случае в качестве экзекутора. Жители Халкедона нуждались в деньгах для уплаты своим наемникам. Они предложили гражданам и даже метекам, имевшим какие-либо претензии против частных лиц за границей (иностранцев) и против чужих городов, сделать о том публичное заявление. Халкедон, как государство-город, взял на себя осуществление этих частных претензий путем захвата тех кораблей, которые направлялись в Понт Эвксинский (Агрист., Осон. II, 12). Таким образом, в данном случае право частного возмездия, как старый обычай, было использовано не отдельным лицом, а целым государством для покрытия расходов по выплате жалованья наемникам. Насколько прочно укоренилась подобная практика в международных отношениях и насколько обычай частного возмездия использовался в разрешении международных конфликтов, говорит тот факт, что даже в македонский период нередко встречается применение этого «рисяя» или «силая». Когда беотийцы ко времени Полибия отступили от правил контракта и перестали платить долги, Филопэмен разрешил, по просьбе ахейцев, применить право частного возмездия для получения этих долгов. Известно также, что критяне из Элевтерны выдавали особые разрешения на применение этого обычая против родосцев. Упоминается также, что и делосцы, нашедшие себе убежище в Ахайе, пытались применить право частного возмездия против афинян, но ахейцы не дали на то своего разрешения³.

Наряду с применением этого старого обычая заметна, однако, и тенденция вмешаться в осуществление его и ограничить действие его путем различных соглашений. Одним из самых интересных соглашений этого рода является трактат, заключенный еще в V в. до н. э. между двумя

¹ D a r e s t e, Séances et travaux de l'Académie des sciences morales, t. CXXXIII, стр. 358—364.

² Ibid., стр. 364.

³ Ibid., стр. 364.

локридскими городами—Эантом и Халейоном. Эти два города соглашались совершенно отменить право частного возмездия на суше, но сохраняют этот обычай (путем фиксации его в договоре) на море, исключая гавани. Изучение текста этого трактата, дошедшего до нас в надписи¹, свидетельствует о пробуждении у греков чувства гуманности, о зарождении идеи о равных правах народов, наконец, о возможном компромиссе между старым первобытным обычаем и идеей международного права в пользу применения и распространения последнего на отношения между народами. Несмотря на ограниченное воздействие возникавших идей международного права на отношения между народами, самый факт их появления, отражения их в международных договорах свидетельствует о том, что поступательное движение вперед оставляло позади себя первобытные пережитки, старые обычаи и рутину в развитии народов древней Греции.

III. Право войны и мира

Античная политическая философия создала теорию войн, которая раскрывает нам виды этих войн, дает характеристику войн справедливых и законных, с одной стороны, и войн несправедливых и вероломных—с другой. Рабовладельческая теория древности прежде всего утверждала естественное состояние войны между греками и не-греками (т.е. варварами).

«Варвар»—это существо более низкого интеллекта, грубое, признающее только физическую силу. Для грека свобода—органическая потребность; варвару она не свойственна и не нужна; господство эллинов над варварами—закон природы. Равенства между греком и варваром не может быть, как не может его быть между человеком и животным². Великий философ древности Аристотель утверждал, что борьба против варваров, всякие военные действия против них есть вполне законный способ приобретения добычи—рабов и имущества (Aristot., Pol. I, 38). Недаром на этом основании еще Монтескье выставил положение, что греки родились пиратами³. Существует свидетельство, отраженное в «Дигестах» («Дигесты» 47, 22, 5), что один из гуманных законодателей Греции—Солон—разрешил афинянам снаряжать компании для грабежа иностранных купцов. Разбоями занимались фокейцы (Юст., XLIII, 8; Герод., VI, 17; Павс., X, 8, 6); самосцы грабили всех без различия (Герод., III, 39), а жители островов, даже в период борьбы с персами, продолжали заниматься пиратством, в связи с чем они получили заслуженные упреки со стороны Фемистокла (Непот, Фемист., 21). Подобные войны, грабежи и нападения греков на всех иностранцев и главным образом «варваров» не смущали самых глубоких мыслителей Греции. Платон в своей «Республике» (470 с) сокрушался только по поводу того, что иногда войны греков с варварами перерастали в столкновения между самими греками. «Греки,—писал Платон,—братья, и всякие раздоры между ними следует оплакивать, настоящая же война возможна только против варваров».

Однако Платон вынужден был делать исключения для войн и между греками, если только такая война вызывается необходимостью, а именно: «чтобы у нас достаточно было земли пахотной и для пастбищ (Респуб. 475а). Развитие борьбы за рабовладельческую собственность и укрепление рабовладельческих отношений заставили греков пойти на признание возможности и войн между греками.

¹ Издание его с комментариями у Röhrl, *Inscript, graecae antiq.*, 322; *Dagreste*, стр. 364.

² С. Лурье «История античной общественной мысли», 1929, стр. 240—241.

³ Монтескье, *Дух законов* XXI, 7.

Во времена Демосфена сформировалась уже и теория войн между греками. Классификацию таких войн дал Демосфен¹ в своей речи против родосцев. Он утверждает, что существуют два рода войн: войны демократии с олигархией и войны между демократическими государствами. В этом определении войн Демосфен исходил, таким образом, из социальной их характеристики. При этом важно, что автор такой теории считает самыми ожесточенными и непримиримыми войнами те, которые ведутся между демократическими государствами, с одной стороны, и олигархическими—с другой. Война с олигархией, по мысли Демосфена, представляет собой самую ожесточенную и суровую войну, ибо она ведется за свободу и независимость демократического государства. Войны же между демократическими республиками рассматриваются как войны за могущество и славу. Здесь сильная вражда, говорит Фукидид (IV, 19), может окончиться прочным миром, когда одолевшая сторона по великодушию предлагает умеренные условия побежденным. Эти условия не затрагивают основ политического строя в побежденной стране. Совершенно другое при войне демократии с аристократией или олигархией. Если побеждает демократическая страна, то в побежденной аристократической она вводит свои демократические порядки; если же побеждает аристократическая, то в побежденной демократической она вводит свои аристократические порядки. Вряд ли это нужно иллюстрировать примерами. Лучшим примером этого является Пелопонесская война и связанные с нею военные действия в городах Афинского морского союза. Война, ее ход и результаты показали, что Спарта проводила политику группирования вокруг себя аристократических элементов греческих государств, а Афины возглавляли демократию почти всех городов Греции.

Первоначально обычаи греков не создавали еще каких-либо основ международного права в войне и мире. Единственный обычай—установившийся порядок объявления войны—в какой-то мере напоминал о нормализации начала военных действий и закладывал основы права. Так, известно, что государство, по тем или иным причинам решившее воевать с другим, формально объявляло ему войну через герольда или особого посла (κέρυξ). Этот герольд стоял под защитой божества и считался неприкосновенным². Деятельность герольда заключалась не только в объявлении войны, но и в заключении перемирия, необходимого для погребения павших в битве или для размена пленных (Герод. I, 212). Объявление войны сопровождалось также и другими обычаями. Иногда совершались особые религиозные обряды перед самым началом военных действий. Афиняне, начиная войну с соседями, выгоняли обычно одного ягненка, что имело символическое значение открытия военных действий³. Однако войны велись и без предварительного объявления, как о том свидетельствует Ксенофонт (Κ σ ε н о ф., Греч. ист. VI, 4, 20). Дикие нравы, вероломные нападения и уничтожение или порабощение противника долгое время оставались обычаями в возникших рабовладельческих государствах Греции. В доказательство этого можно привести ряд примеров. Ксенофонт (Греч. ист., IV, 6, 13) и Фукидид (I, 8) свидетельствуют, что во время войны опустошение неприятельской земли считалось обыкновенным средством принудить противника к миру. Не ограничиваясь похищением плодов, неприятель нередко вырубал самые деревья, вырывал с корнем виноградную лозу. Жестокость не давала пощады и городам. Разрушение Киры было произведено по постановлению амфикионов,

¹ Более подробное изложение этой теории см. Демосфен Родос. XVII.

² Геродот I, 212; VII, 9 и 136; Фукидид I, 2, 131; VII, 3; Полиб. VIII, 139; Павсаний I, 36, 3.

³ См. Гезихий, под словом „ἄρνα“.

город Писа был уничтожен в споре элеев и писанцев, причем от города не осталось никаких следов, и во времена Страбона даже сомневались, существовал ли этот город (Страб., VIII; Павс., VI, 22, 2, 3). Известна также и судьба Микен, от разрушения которых соседними народами остались только циклопические стены (Диод., XI, 67; Павс., 11, 16, 5). Также был разрушен город Кадм (Павс. VIII, 32, 2), некоторые города Крита (Полиб., IV 53, 4; IV, 54, 1—5), Сицилии. Все эти разрушения оправдывались обычаями древних греков.

Печальный след для истории и неприятный диссонанс по отношению к последующей культуре самой Греции оставил обычай вероломства. Прimitивное понятие о праве в рабовладельческих государствах древности хорошо раскрывается Полиеном¹, собравшим немалое количество сведений о применявшихся греками «военных хитростях». Еще Лоран в этих «хитростях» узрел акты вероломства и поэтому назвал книгу Полиена «самым лучшим обличительным актом против греков»². Полиен сумел собрать все те примеры «военной доблести», которые по существу являются применением вероломства в военных действиях между греческими государствами. Вероломство, именно как «военную хитрость», Полиен превозносил в тактике Алкивиада (Пол., I, 40, 4, 5), Никия (ib., I, 39), спартанских полководцев (II, 9) и др.³ Никий, глава военной партии в Афинах, во время несчастного сицилийского похода, будучи преследуем Гилиппом, отправил к нему герольда с намерением сдаться и заключить условия капитуляции. Тогда Гилипп приостановил военные действия. Воспользовавшись этим, Никий занял позицию и вероломно возобновил войну (Пол., I, 39). Жители Византии во время осады ее афинянином Фрасиллом решили сдаться и отправили заложников. Фрасилл принял предложение, а ночью напал на город и, пользуясь беспечностью его граждан, овладел им без труда (ib., I, 47, 2). Во время осады в Азии одной крепости спартанский военачальник Тиброн убедил коменданта крепости явиться к нему в лагерь; при этом он обещал провести его обратно в крепость, если не будет достигнуто соглашение о капитуляции. Когда комендант явился на свидание, Тиброн обрушился на город, взял крепость приступом и привел неприятельского начальника обратно для совершения над ним казни: он-де обещал его привести обратно, но ведь не обещал сохранить ему жизнь (ib., II, 19). Применялись нередко искусственные, т. е. сделанные с умыслом, толкования заключаемых соглашений, чтобы нарушить их и вероломно напасть на неприятеля. Так, Тимолеон превратно истолковал соглашение с тираном Мамерком (ib., V, 12; также Плут., Тимол., 10), локры—с неприятелями (ib., VI, 28) и даже Александр Македонский (ib., IV, 3, 20) нарушал данное неприятелю слово.

О суровости обычаев войны мы можем судить и по другим фактам. По общенародным обычаям жители завоеванных городов были изгоняемы и порабощаемы. Полибий говорит, что не только неприятельские воины, но и безоружные женщины и дети теряли свободу (Полиб., II, 58, 10). После взятия Олинфа Филипп роздал пленных своим союзникам. Ксенофонт говорит, что капитуляции, которые оставляли жизнь и свободу побежденным при условии конфискации имущества, были весьма редким явлением (Ксеноф., Греч. ист., II, 3, 6). Историки превозносили в древности Тимофея за похвальное исключение, ибо он при взятии Коркиры не обратил граждан в рабство, не лишил их отечества (ib., V, 4, 64). Варварское отношение к побежденным, обращение населения

¹ Полиен, кн. I, II, IV и V.

² Laurent. Histoire du droit des gens et des relations internationales, III, 3, Bruxelles, 1863, стр. 3.

³ См. также IV, 3, 20; V, 12, 2; VI, 22.

в рабство, захват имущества сочетались с одновременным выведением из строя военнопленных. Об отношении к военнопленным можно судить на частном примере, как поступили афиняне с самосскими пленными. На теле каждого пленного из Самоса выжигалось клеймо (фигура корабля) и на правой руке отрезался большой палец, чтобы ни один из пленных не мог больше владеть копьем. В отместку самосцы стали выжигать клеймо (фигуру совы) на всех пленных из Афин. Подобные нравы древних греков, среди которых афиняне не представляли исключения, смущали уже самих древних. Греческий писатель Элиан (A e l i a n., II, 9), занимавшийся изучением военного дела, заметил, что военные обычаи греков накладывают темное пятно на историю афинского народа. Но старые обычаи, регулировавшие общение народов, старые нормы ведения войны вставали с течением времени в противоречие с быстро развившимися отношениями народов древности. Этот процесс усиливался в результате колонизации, торговли, войн, договоров и т. п. Старым обычаям противостояли новые идеи международного права, рождавшиеся с развитием жизни. Новые идеи направляют деятельность государственных людей по линии борьбы за мир, за твердые нормы и гуманные способы разрешения конфликтов, поскольку возможно было этого достичь в условиях рабовладельческого мира. На примерах и отдельных фактах международной жизни древних греков можно проследить, как рождавшиеся в новой исторической обстановке чувство гуманности и сознание необходимости ввести твердые нормы в право войны и мира одолевали старые обычаи, пережитки первобытной эпохи. Остановимся на этих примерах и фактах.

Оратор Гераклит в одной своей речи против родосцев говорит, что для предотвращения внезапных и беспорядочных нападений греки предлагали вести открытую войну. «Предки наши,—читаем мы у Полибия,— не считали победы ни славною, ни прочною, как только в том случае; когда неприятель был побежден открыто, мужеством сражавшихся; поэтому у них был уговор не употреблять друг против друга ни скрытых оружий, ни бросаемых издалека. Истинным решением споров считали они только открытый рукопашный бой»¹. Страбон свидетельствует, что между общинами Эвбеи было заключено соглашение не применять скрытно бросаемого оружия².

Самое объявление войны подчинялось постепенно условностям, которые должны были регулировать войну в соответствии с принятыми в отношениях между народами правилами. Идеи международного права облекались в форму соглашений или правил о порядке ведения войны.

Против варварского обычая умерщвлять пленных принималось правило размена военнопленными или право их выкупа (Фукид., II, 103; Герод., V, 77). Утверждалось постепенно и право выдачи победителем трупов убитых для погребения (Фукид., I, 63). Дикие законы первобытных войн отступали перед постепенно вводившимся соглашением между народами о предоставлении победителем перемирия побежденному для совершения обряда погребения павших бойцов. Надругательство над трупом убитого врага, даже варвара, считалось у греков незаконным (Герод., IX, 79).

Дельфийский храм и его оракул вводил еще одно любопытное правило. Он декларировал «священное перемирие» во время всенародных греческих состязаний, как, например, олимпийских игр. Война между греческими государствами с момента открытия этих игр как бы прерывалась «священным перемирием», и всякий, нарушивший это принятое

¹ Полибий XIII, 2. См. также П. Бибииков, Очерк международного права в Греции. М. 1852. стр. 108—118.

² Страбон, География, X, 448. См. П. Бибииков, Указ. соч., стр. 39.

между народами правило, подвергался наказанию, чаще всего большому денежному штрафу. Подобная «правовая норма» входила, таким образом, прочно в международный обиход и являлась значительным завоеванием в развитии права войны и мира в древней Греции. Страх мести богов—покровителей олимпийских игр—давал защиту от бедствий войны многим греческим городам, участвовавшим в международном празднике греков.

Постепенно нормализовалось во время войны и отношение к храмам, к памятникам религиозного культа греков. Древние писатели свидетельствуют, что ко многим зданиям, являвшимся произведениями искусства, воздвигнутым греками в честь общегреческих богов, сохранялось уважение и во время войн, и месь победителя щадила эти здания. В результате подобной практики, имевшей под собою и религиозную основу, создавалась своеобразная догма, ставшая международным правилом и во время войны, что храмы являются неприкосновенными для неприятеля и в то же время служат священным приютом и убежищем¹. Это положение декларировалось греческими оракулами, в частности дельфийскими. Всякий раз во время войны оракулы вновь напоминали грекам об этом законе, в результате чего у греков укоренялось представление, что нарушение неприкосновенности храма и права убежища в нем является величайшим преступлением (Герод., I, 157—169).

Уже в эпоху Геродота и Фукидида подобные международные правила входили широко в практику взаимоотношений народов древней Греции², хотя первобытные обычаи еще продолжали существовать и в некоторых случаях главенствовали.

Борьба за мир была одним из важнейших проявлений роста идей международно-правового порядка. Стремление уладить конфликт мирным путем, т. е. путем соглашения, принятия соответствующего договора с равными обязательствами сторон, подчеркивало значение идеи права в противовес праву силы или господству старого первобытного обычая. После войны греки заключали мир, при этом предусматривали его на определенное количество лет. Мирные договоры на 30, на 50 и более лет не были редкостью в древней Греции³. Для того чтобы внушить уважение к мирному договору и подчеркнуть гражданский долг каждого в выполнении всех его пунктов, текст договора,—т. е. его условия, имена подписавших его и приносивших клятвы верности договору перед лицом богов,—заносился на мраморные плиты и выставлялся на площади города или чаще в каком-либо храме. Важнейшие договоры хранились среди статуй богов в Дельфийском и Олимпийском храмах, овенных ореолом святости, нерушимости и божественного авторитета. Для закрепления заключенного мирного договора приносились также жертвоприношения и клятвы, при этом клятвы и присяги возобновлялись ежегодно, как бы обновляя договор⁴.

Большим достижением в условиях рабовладельческих государств древности являлось зарождение и развитие идей посредничества и третейского суда при столкновениях или конфликтах государств между собою. В борьбе за мир греки нередко прибегали к третейскому суду или к посреднику, которым выбирался, по взаимному согласию спорящих сторон, какой-либо авторитетный человек или отдельное государство. Так, аргивяне в своем давнишнем споре с Лакедемоном из-за границ порешили это дело передать на суд какому-либо государству или частному

¹ Фукидид, IV, 97; Диодор, XIX, 63; Полибий, V, 9—11.

² П. Б и б и н о в, Указ. соч., стр. 115.

³ Так, например, договоры у Фукидида, III, 114; Геродот, IX, 26.

⁴ Геродот, IX, 7; Фукидид, V, 48; V 23; V, 47.

лицу. Из источников нам известно, что посредническую роль выполняли дельфийский оракул (Фукид., I, 28) или амфикионы (Павс., IV, 5, 1).

Постоянные войны, нападения, идеи реванша и мести за несчастные войны у побежденных вынудили греков в борьбе за мир пойти еще на одно любопытное мероприятие. Как известно, греки, руководимые чувством тщеславия, любили увековечивать свои победы трофеями (памятники, надписи, сооружения и т. п.). Для того, чтобы прошедшие войны и междоусобия не оставляли у греков неизгладимых следов, амфикионы издали закон¹, внушенный желанием мирного сожительства греческих народов, по которому было запрещено воздвигать постоянные памятники прошедшим войнам².

Так постепенно оформлялись и проникали в быт новые идеи и законы о совместной жизни народов древней Греции. Идеи права, международные соглашения, новые правила или нормы войны и мира свидетельствовали о том, как постепенно отмирали первобытные обычаи, эти спутники родового строя, пережитки старых времен. Известно, как много древние греки внесли в общую сокровищницу идей. «Это одна из причин, заставляющих нас все снова и снова возвращаться в философии, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого»³ обеспечили ему такое место в истории. Самым значительным результатом развития идей международного права является то, что греки сумели первыми бросить семена великих идей общечеловеческого единства и равенства народов, международного согласия в совместной жизни. Семенам этих идей не суждено было дать сколь-либо заметных произрастаний в неблагодарной социальной среде классовых обществ, в которых идеи о международном соглашении казались наивными положениями. Но тот факт, что семена эти были брошены, свидетельствовал об актуальности новых идей, о необходимости их дальнейшего развития по мере общественно-политического прогресса человечества. Будучи пронесены через века, эти идеи приобрели огромное общественно-политическое значение сейчас. «Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед»⁴. Передовые идеи греков в области международной жизни привели к немалым результатам: они отменяли отжившие обычаи, пережитки старых времен, создавали основы для последующих теорий римского права, а отсюда вели к образованию норм международного права современных европейских народов. Поскольку попытки греков добиться установления права в отношениях между народами отражают стремление к международному сотрудничеству, они не теряют своего значения и в настоящее время, когда рождаются новые идеи и новые институты международного права.

¹ Фукидид, III, 59; Диодор, XVI, 25; XIX, 63.

² Сисеро, de invent., II, 23: aeternum inimicitiarum monumentum graios de graiis statuere non oportet; Plut., Quaest. rom., 37; Диодор, XIII, 24.

³ Энгельс, «Диалектика природы», стр. 27, изд. 1946 г.

⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 111.